
СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹

Статья поступила
в редакцию
в июле 2007 г.

Традиция изучения женского образования в России в XIX — начале XX в. имела продолжительную историю и насчитывала множество фундаментальных исследований историко-культурного и политического характера [12; 8; 7; 2; 11; 4; 9; 10].

«Феномен женского институтского образования представляет особый интерес в контексте изучения роли женщины в дворянской сословной культуре России конца XVIII — первой половины XIX в. Социокультурная природа этого феномена не подлежит однозначному истолкованию ввиду исторически обусловленной сопряженности образования и культуры. Институтское образование женщин — не только один из элементов культуры русского дворянства, но и своеобразная ее “квинтэссенция”. Получение этого образования каждым следующим поколением благородных россиянок означало репродуцирование дворянской культуры, а также свойственных ей сословных и гендерных норм, стереотипов и идеалов» [1].

Смольный институт благородных девиц — первое в России женское учебное заведение, положившее начало женскому образованию, — совместный общественный и воспитательный проект действительного тайного советника Ивана Ивановича Бецкого (1704—1795) и императрицы Екатерины II. «Бецкой несомненно обладал важным качеством придворного: способностью внушать монарху идеи, которые властитель постепенно принимал за свои» [3. С. 38]. Смольный институт был открыт в соответствии с указом Екатерины II в 1764 г. в Санкт-Петербурге при Воскресенском Смольном Новодевичьем монастыре и был назван «Воспитательное общество благородных девиц».

И.И. Бецкой — не случайная фигура в истории российского образования и просвещения. В его бурной политической жизни было несколько ключевых событий, сформировавших его образовательную концепцию. К числу главных можно отнести многолетнее путешествие по Европе в конце 1840-х, во время которого он познакомился с идеями просветителей и хорошо их усвоил. После возвращения в Россию, в 1763 г. Бецкой представил Екатерине II

¹ Вступление к статье З.Е. Мордвиновой «Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764 – 1796)» подготовила Е.Н. Пенская.

доклад о реорганизации в России дела воспитания детей «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества» как «новой породы людей», необходимой для России. Он не скрывал своих идеологических заимствований, в которых опирался на европейский просветительский опыт [6]. В традициях европейского просветительства он предлагал организовать закрытые воспитательно-образовательные учреждения, куда будут принимать 5—6-летних детей и где они, избавленные от «развращающего» влияния окружающей жизни, будут находиться до 18 лет под неусыпным попечением педагогов, подающих пример своим поведением. Неутомимый энтузиаст, Бецкой открыл гимназии и воспитательные учреждения для мальчиков всех сословий (кроме крепостных), училище при Академии художеств, Смольный институт благородных девиц в Петербурге для дворянок и отделение для девочек из мещан, учредил Московский воспитательный дом, для которого, согласно плану Бецкого, был выстроен гигантский архитектурный ансамбль. Однако проекты Бецкого, отчасти утопические и «эксцентрические» [5. С. 144], не приносили желаемых результатов. Екатерина II вскоре отказалась от своих затей, а Бецкой, вложивший в учебные заведения все свое состояние, в 1780 г. ослеп и доживал последние полтора десятилетия почти в нищете и одиночестве.

Тем не менее Смольный институт — любимое детище императрицы Екатерины II — пожалуй, может быть признан наиболее масштабным и амбициозным образовательным проектом своего времени, предполагающим создание принципиально нового типа учреждения, уникального не только для России, но и для Западной Европы. Организация института была началом планомерного воспитания русской женщины.

После смерти императрицы Екатерины началась эволюция первоначального замысла, так бережно сохраняемого И.И. Бецким. Императрица Мария Федоровна, супруга Павла I, управлявшая всеми благотворительными и женскими учебными заведениями России, радикально изменила быт и учебные программы, сделав их более узкими, чисто женскими. Знаменательно, что вместо книги «О должностях человека и гражданина»¹, которая читалась в екатеринские времена, при императрице Марии Федоровне главной книгой становятся «Отечественные советы моей дочери»², в которых провозглашались следующие ценности: «Бог и человеческое общество хотели, чтобы женщина зависела от мужчины, чтобы она ограничила круг своей деятельности домом, чтобы она признавала свою слабость и преимущество мужа во всяком случае и снискала бы его любовь и приязнь скромностью и покорностью». Женщина

¹ *Фельбигер И.И.* О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей имп. Екатерины Второя. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1783. [6], 250 с; 1 л. табл; 8°. — Издание для учителей, с вопросами в подстрочных примечаниях к тексту.

² *Кампе И.* Отечественные советы моей дочери (переводчик Г.М. Яценков), 2 части. СПб., 1803—1804.

должна быть «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка; должна разделять свое существование между детской и кухней, погребом, амбаром, двором и садом». Императрица Мария Федоровна строго разграничила сословия, она видела «большие неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими, ибо несомненно, что обязанности и назначение последних во многих отношениях различаются от обязанностей и назначения благородных девиц». Эта система образования, выработанная в 1797 г., была крайне консервативной и сохранялась в женских институтах вплоть до 1850-х годов.

Во второй половине XIX в. эта тенденция к закрытости и замкнутости Смольного института обретает еще более отчетливый характер. Его привилегированность культивировалась, а элитарность поддерживалась четырьмя факторами: пренебрежением отечественными знаниями и предпочтением всего иностранного; ориентацией на светский тип воспитания; религиозностью и безусловным преклонением перед царской фамилией.

Короткая полоса перемен в истории Смольного института связана с именем К.Д. Ушинского, в 1859 г. назначенного инспектором классов. Он попытался изменить весь процесс обучения и воспитания. Однако в результате преследований и доносов летом 1862 г. он оставил Смольный институт. После ухода Ушинского все его начинания были ликвидированы, и вплоть до 1917 г. Смольный институт оставался одним из наиболее консервативных учебных заведений. В 1917 г. он был закрыт.

Ниже мы предлагаем вниманию читателя очерк Зинаиды Евграфовны Мордвиновой¹ об одном из самых важных эпизодов в истории становления отечественного женского образования². Орфография и пунктуация автора сохранены.

1. Белова А.В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9.

2. Быкова В.П. Записки старой смолянки. СПб., 1898.

3. Веселова А.Ю. Воспитательный дом в России и концепция воспитания И.И. Бецкого // Отечественные записки. 2004. № 3.

4. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Т. 1—2. [М.], 1964.

5. Краткий исторический очерк Императорского Московского воспитательного дома / Составлен В. Красуским. М., 1878.

6. Лаппо-Данилевский А.С. И.И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904.

7. Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. [Т. 1—4]. СПб., 1890—1901.

¹ Ей принадлежит также книга «Статс-дама М.П. Леонтьева» (СПб., 1902).

² Сокращенная версия статьи опубликована незадолго до начала Первой мировой войны в журнале «Исторический вестник» (1914. Кн. 6 (июнь). Т. СXXXVI. С. 987 — 1001). Журнальный вариант, вероятно, по замыслу автора должен был стать частью большой работы или отдельной книги (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф.874 — фонд Сергея Николаевича Шубинского, главного редактора и издателя журнала «Исторический Вестник». Оп.2. С.13—48).

8. Лядов В.Н. Исторический очерк столетней жизни Императорского Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища. СПб, 1864.

9. Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР в XVIII — первой половине XIX в. М., 1973.

10. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в XVIII — начале XX вв.: приобретения и потери // Мир истории. 2000. № 6 (<http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm>).

11. Угличанинова М.С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. [М.], 1901.

12. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. 1—3. СПб./ Пг., 1914—1915.

З.Е. Мордвинова

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В ЭПОХУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (1764—1796)

I

Воспитательное общество благородных девиц, основанное императрицей Екатериной II при Смольном монастыре, может по справедливости назваться рассадником женского образования не только по праву своего первородства, но и по той роли, которую сыграло в воспитании ряда женских поколений, вносящих просвещение и культуру в самые отдаленные углы нашей родины. Нынешний стопятидесятилетний его юбилей говорит сам за себя.

В основу нового дела императрица ставила широкую государственную задачу: сознавая, что для блага России нужно, чтобы лица, призванные ей служить, были людьми просвещенными, она увеличивает число мужских учебных заведений и принимает все меры к улучшению образования в них. Но ум Екатерины подсказал ей, что это еще не решает вопроса и что роль женщины в воспитании хороших граждан имеет огромное значение, что невоспитанные и необразованные жены и матери предрассудками и невежеством могут влиять лишь пагубно и тормозить все ее усилия на

пользу ее подданных. Придя к этим выводам, «она не ограничилась целью давать государству лишь образованных женщин, но захотела ввести женское образование в общую систему воспитания русского юношества и путем гуманного и рационального воспитания и образования молодого поколения обоего пола улучшить породу русских “отцов и матерей”, доставить счастье отдельной личности и этим поднять благосостояние всего государств»¹.

Мысли эти слагались в ней в то время, когда она была еще великой княгиней. Бецкий, вполне разделявший взгляды Екатерины, изложил их в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества», подтвержденном императрицею 12-го марта 1764 года:

«Искусство доказало, что просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юностей своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены. По сему ясно, что корень всему злу и добру — воспитание. Достигнуть же последнего с успехом и твердым исполнением не иначе можно, как избрать средства к тому прямые и основательные, т.е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям и так, следуя из родов в роды в будущие века».

Эти взгляды господствовали тогда в Европе, и Екатерина, поклонница Монтеня, Локка, Фенелона, естественно, была ими проникнута. Смелость ее плана заключалась в том, что, учреждая учебное заведение, равного которому не было еще и в Европе², она, не колеблясь, применяла теории великих умов в стране еще вполне невежественной, рассчитывая, очевидно, на природный разум и талантливость нации, с которой она успела сродниться и оценить ее за двадцать лет своей жизни в России.

Вслед за тем, 5-го мая 1764 года был ею подписан указ о воспитании двухсот благородных девиц в новостроящемся петербургском Новодевичьем монастыре, освящение которого было назначено на 28-е июня 1784 года. Сенату было повелено напечатать и разослать устав этого заведения по всем губерниям, провинциям и городам, «чтобы каждый из дворян мог, если пожелает, поручить дочерей своих в младенческих годах сему учрежденному воспитанию». Первою начальницей его была назначена княжна Анна Долгорукая, вскоре замененная вдовою действительного статско-

¹ Лихачева. «Материалы для истории женского образования в России». 1899 г.

² Сен-Сир, служивший некоторым прообразом Смольному, ограничивался сначала лишь светским образованием девушек высшего круга, а затем превращен в монастырь. Когда Екатерина послала Вольтеру программу Смольного, философ написал: «C'est plus que St.-Сyr» (Там же).

го советника Софиею де Лафон и ставшей главной сподвижницею императрицы в создании Смольного монастыря.

По уставу дети должны были поступать не старше шестилетнего возраста и оставаться в заведении двенадцать лет, причем родители не могли требовать их назад ни под каким предлогом до истечения этого срока, в чем от них отбиралась подписка.

Императрица, зная низкую степень развития тогдашнего общества, надеясь удалением детей на долгий срок от невежественной среды сгладить всякий след воспоминаний о грубости домашней обстановки и, вернув туда уже развитую и облагороженную девушку, тем самым способствовать смягчению нравов, которые должны были создать новую породу людей.

Устав для воспитательного общества составлен Бецким — самым образованным человеком своего времени. Бывши неоднократно за границей, знакомый с уставами учебных заведений различных стран Европы, он применил и к рассаднику русского женского просвещения все, что выработал тогдашний образованный мир.

Питомицы Смольного делились на четыре возраста. Предметы обучения в первом возрасте (от шести до девяти лет) были: Закон Божий, русский и иностранные языки (чтение и письмо), арифметика, рисование, рукоделье и танцы. Ко второму возрасту (девять — двенадцать лет) прибавлялись история и география, а также ознакомление девочек с домашним хозяйством. В третьем возрасте (двенадцать — пятнадцать лет) шло преподавание тех же предметов, но вводились словесные науки, состоявшие в чтении исторических и нравоучительных книг. Затем следовала еще: опытная физика, архитектура, скульптура, токарное искусство и геральдика. Домашнему хозяйству обучали уже на практике. Музыка и пение входили также в предметы обучения. Курс последнего возраста (пятнадцать — восемнадцать лет) состоял в повторении всего пройденного, причем особое внимание обращалось на Закон Божий. Домашняя экономия проходила уже во всех подробностях. Каждая из воспитанниц по очереди должна была вести счета, выбирать съестные припасы, производить каждую субботу уплату за них и заботиться о порядке и чистоте приготовления блюд.

Другое важное постановление о занятиях воспитанниц последнего возраста заключалось в том, что они ежедневно, по очереди, назначались для преподавания в младших классах, чем имелось в виду приучить их к педагогической практике, необходимой для будущих матерей-воспитательниц.

В каком объеме преподавались все науки — сказать трудно, но несомненно, что Бецкий во всем брал пример с европейских школ. Если особенно основательно изучались иностранные языки, то делалось это в тех видах, что при отсутствии тогда русской литературы и при богатстве европейской смолянкам открывалась возможность чтением иностранных книг развивать ум и пополнять знания, на чем особенно настаивала Екатерина.

Преподавание было поручено двадцати четырем учительницам-иностранкам, преимущественно француженкам, ибо русских учителей не доставало даже для мужских училищ. Естественно, что и учение шло на иностранных языках. Только Закон Божий преподавал священник, а русской грамоте учили монахини. Рисованию, музыке и танцам обучали учителя.

Устав настоятельно требовал, чтобы дети всегда имели вид бодрый, веселый, довольный и «вольные действия души». Поэтому предписывалось отнюдь не делать из наук предметов скуки, горя и отвращения и облегчать всякими способами усвоение знаний, обращая при этом внимание на степень развития и способности каждой девочки в отдельности.

Что касается системы воспитания, то в уставе дается наставление самим воспитательницам, начиная с начальницы. В обращении с детьми требуются: «кротость, благопристойность, учтивость, благоразумие, справедливость и также непритворная веселость и отсутствие лишней важности в обращении». Именно личным примером самих педагогов устав полагает привить те же качества их питомцам. Наказания не допускались, и единственным средством исправления провинившихся служило пристыжение перед всем классом, «дабы стыд одной служил всегда к воздержанию других от подобных поступков». Но применялась эта мера лишь в очень важных случаях, к каковым отнесено малейшее нарушение благочиния во время молитвы, и тем более при церковном богослужении. Из этого видно, как строго относился устав к религиозному воспитанию, где оно и поставлено «яко первое всему основание». Затем идет перечисление добродетелей, которые следовало прививать детям: «повиновение начальствующим, равенственное в благонаравии поведение, великодушие, удаление всего того, что гордостью отзываться может» и т.д. В обыденной жизни указывалось обращать особое внимание на качества, отсутствием которых страдало тогдашнее общество, — опрятность и учтивость. Первое входило в программу физического воспитания; что же касается учтивости, то эта добродетель особенно отмечена Бецким — типичным представителем благовоспитанного вельможи XVIII столетия — и, можно сказать, ставится им краеугольным камнем в нравственном воспитании юношества. Учтивость «благородная и непринужденная» была обязательна не только в отношении высших и равных, но и с низшими, «с самыми последними, какого бы звания кто ни был». Из этого качества уже само собой развивались благожелательность, уважение к личности другого, приветливость в обращении, все то, что выражалось словами Екатерины: «сближает людей, придает вид спокойной и благородной скромности в поведении, в осанках приятных, в разговорах вежливых и разумных, в ласковых поступках». Очевидно, тут идет вопрос не только о светских манерах, но о выработке того культурного типа, который осуществлял бы ее государственную задачу: создать новую породу людей. Окружая детей с самого нежного возраста атмосферой непринужден-

ной веселости, развивая в них всеми способами привычки цивилизованных людей, Екатерина, конечно, смягчала характеры привезенных ей маленьких зверьков, облагораживала натуры и развивала в них изящество не только внешнее, но и внутреннее. Если к этому прибавить, что в институте девицы приучались к домашнему хозяйству, занимались шитьем себе белья и платьев, давали уроки в младших классах, подготавливаясь к педагогической деятельности, чем впоследствии могли быть полезны себе и другим, то станет ясно, что государыня не подготавливала из них лишь светских кукол, как у нас до сих пор принято думать.

В общую систему воспитания вошел и вопрос о физическом развитии детей, на что было положено много забот. «Всякая излишняя нега вовсе изгнана быть долженствует», сказано в уставе. Правила, касающиеся всех сторон жизни питомиц, разработаны в мельчайших подробностях и своей разумностью могут вполне соперничать с современными нам приемами в этом деле, несмотря на то, что написаны полтора столетия назад, когда о гигиене как науке не имелось еще и понятия.

Ставя воспитание на первый план, великая государыня, однако, далеко не сочувствовала типу благовоспитанного неуча. По собственному опыту она знала, что широкое развитие ума и знаний дается не классными только занятиями, а приобретается главным образом чтением хороших книг и вдумчивым отношением к прочитанному. Поэтому беспрестанно и настойчиво выражает она свое желание и требование, чтобы в смолянках всеми мерами развивали интерес и любовь к чтению. Она видит в этом не только пользу для ума, но для души и для личного счастья человека, вспоминая, очевидно, свои первые годы жизни в России, полные горя и унижения, от которых она спасалась за чтением «возвышающих душу» книг. Предписывая воспитательницам вступать с девицами в беседы о прочитанном, предоставляя им полную свободу высказывать свои мысли, сама императрица снабжает библиотеку книгами — по преимуществу историческими и философскими. Так как книги эти в большинстве были иностранные, то основательное знание европейских языков сослужило службу смолянкам.

Давая лишь легкий абрис учебно-воспитательной программы устава, скажем словами Лихачевой, выдающейся исследовательницы женского образования в России: «...нельзя не проникнуться глубоким благоговением к основательнице его и его исполнителю — Бецкому. Весь устав дышит такой гуманностью, сердечною любовью к детям, уважением к их природе, боязнью в чем-нибудь помешать правильному и свободному ее развитию, что перед этим все заблуждения и ошибки, обусловленные иными временами и иными взглядами на воспитание, исчезают бесследно. Если даже теперь, когда сравнительно со временем Екатерины и Бецкого мы так далеко ушли в педагогике, нашлись бы такие исполнители духа устава, каких Екатерина и Бецкий думали создать путем особо составленных наставлений и инструкций, идеалы Екатерины и Бец-

кого, их педагогические приемы и принципы не потеряли бы и для нас своей цены. Но и теперь, как и сто двадцать пять лет назад, воспитатели, даже самые лучшие из них, все-таки остаются людьми, а устав Бецкого для полного осуществления требовал ангелов»¹.

Тем не менее все, что было в человеческих силах, великая государыня осуществляла. Не довольствуясь приглашением к просвещению только дворянских детей, императрица озаботилась разлить это благодеяние и на других своих подданных. Января 31-го 1765 года, при открытом уже воспитательном обществе благородных девиц она учредила мещанское училище, куда могли отдавать детей своих люди непривилегированных сословий. Училище поступало в ведение той же начальницы. Срок приема, время пребывания детей в училище были одинаковы в обоих заведениях; но в программе обучения мещанских девушек была уже разница. Применяясь к среде и условиям жизни, ожидавшим их при выходе из школы, их обучали основательно всем женским работам и ремеслам и расширяли хозяйственные сведения, что могло быть необходимо им в жизни. Из наук же, кроме Закона Божьего, преподавался русский язык и один из иностранных; арифметика, рисование и танцы; не исключались музыка и пение для тех, у которых проявлялся к тому способности и охота. Что касается воспитания, то оно применялось в училище во всех тех же культурно-облагораживающих приемах, как и в обществе, дабы и в мещанскую среду внести стремление императрицы «создать новое порождение, от которого бы правила прямые воспитания непрерывным порядком в потомство переходить могли». На первый взгляд кажется странным обучение иностранному языку и танцам мещанских девушек, предназначавшихся для трудовой жизни. Но Екатерина не делала ничего необдуманно: в план ее входило соображение, что в захолустных дворянских семьях, где детей обучали грамоте зачастую оставшие солдаты или пономари, эти девушки из Смольного сыграют роль сравнительно очень образованных учительниц; а для многих из них, сирот или бездомных, явится хороший заработок и обеспечение жизни. Екатерина проявляла большую заботливость о судьбе мещанских девушек: так, при определении их в училище на имя каждой откладывалось по пятидесяти рублей, которые с процентами, наросшими за двенадцать лет, выдавались им при выпуске. К этому же фонду причислялись деньги, вырученные от работ воспитанниц. По окончании курса те, которые не имели родных, оставались в Смольном на три года и уже по достижении двадцати одного года отпускались «на волю», сохраняя право во всех житейских затруднениях искать защиты и помощи в бывшем их питомнике. Важной привилегией этого образования являлось то, что в случае выхода девушки замуж за крепостного муж ее получал вольную.

¹ Лихачева. «Материалы для истории женского образования в России».

К первому приему назначено было допустить шестьдесят мецканских девочек, а полный комплект должен был состоять из двухсот сорока. Первые шестьдесят полностью прибыли к сроку.

II

Холодно и недоверчиво отнеслось дворянство к монаршей милости. Хотя приглашение к просвещению дворянских детей было опубликовано во всех концах империи, на первый прием вместо двухсот девочек была привезена всего пятьдесят одна, причем большинство их были дети родителей, живших в Петербурге. В два следующих приема также не получилось и половины комплекта. И только значительно позже мысль о пользе образования стала прививаться. Способствовали этому главным образом распространившиеся слухи о первых воспитанницах, выпущенных из Смольного, и о милостях к ним государыни.

Интересно проследить, как применялся устав о воспитании во внутренней жизни института именно в эти первые годы. Несмотря на то, что сведений об этом времени сохранилось очень мало, сгруппировав их по некоторым документам, можно дать довольно верную картину действительности. До нас дошли записки Ржевской, рожденной Алымовой, лучшей воспитанницы первого выпуска. В полном беспристрастии ее повествования нельзя сомневаться: свои воспоминания она писала уже в преклонных годах, когда в живых не было не только Екатерины, но никого из воспитавших Ржевскую, значит, ей не было поводов ни угождать, ни льстить. О своем пребывании в Смольном, куда она была отдана ребенком шести лет, Ржевская говорит как о счастливейшем времени своей жизни, которое «нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся». Очевидно, хорошо жилось в этой «общине сестер», где царило «полное равенство для всех, где все были подчинены одним общим правилам и где единственным отличием между воспитанницами служили достоинства и таланты». При неумелом воспитании и на этой почве могла развиваться кичливость с одной стороны и зависть — с другой. Но умная начальница де Лафон, «развивая в детях природные дарования, приучала их быть рассудительными, вдумчивыми и строгими к себе». Будучи наставницей-другом, заменявшей детям мать, она умела направлять их мысли к тому, что предпочтения и отличия не должны делать их гордыми и требовательными, и предостерегала их от таких недостатков. Сама Ржевская, будучи первой ученицей в классе, следуя этим мудрым советам, «старалась совершенствоваться, чтобы сохранить общее расположение». «Между нами царило согласие; общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц; никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими каче-

ствами, что их слова служили законом для подруг. Вообще большею частью были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы не имели и понятия».

Очевидно, де Лафон поняла дух устава, и при таком режиме в Смольном не могло быть места унынию и грусти, которых не допускала там Екатерина. Другим ближайшим к воспитанницам лицом был Бецкий — удивительно добрый, всеми уважаемый человек, справедливый, без малейшего лицепрятия. Классных наставниц Ржевская тоже хвалила, признавая в них личностей, стоящих в деле воспитания на должной высоте¹.

Но душой всего дела, радостью и солнцем Смольного была сама императрица. «Скрывая всегда расстояние, — пишет Ржевская, — отделяющее подданных от государыни, мать и покровительница заведения не могла лишь скрыть от воспитанниц великих качеств, ее отличавших; но и допуская короткое обращение детей с собою, она никогда не роняла своего величия». В первый раз Екатерина приехала в Смольный 21-го ноября 1764 года, через пять месяцев после его открытия. Приезд ее на этот раз носил официальный характер; ее сопровождал двор и четыре попечителя Смольного. Отстояв обедню, государыня осмотрела работы, которым дети успели научиться; присутствовала на обеде, пробовала кушанье, выслушала речь одной воспитанницы и, пробыв с десяти часов утра до часу, уехала, обещая скоро опять навестить их. Обещание свое она сдержала и после этого первого знакомства была уже частой гостьей Смольного, приезжая не в торжественные только дни, а запросто, «обыденкою», как записано в камер-фурьерском журнале. Эти-то посещения государыни и создали ту атмосферу радости и счастья, которыми жили будущие пионерки просвещения. Надо думать, что Екатерину влекло туда не только желание следить за тем, как начальствующие выполняют ее мысль воспитывать «новую породу людей», но и ее собственное сердце. Судьба отказала ей в счастье иметь родных дочерей, и нет ничего мудреного, что неудовлетворенное материнское ее чувство находило некоторую отраду в неподдельной любви, которой отвечал на ее ласки рой девочек, бежавший к ней навстречу. Всегда веселая, приветливая, ласковая, императрица покоряла сердца детей, инстинктивно чувствовавших ее доброту и материнскую заботу еще в таком их возрасте, когда им недоступно было понятие о расстоянии, разделявшем подданных от монархини. С годами эти чувства их росли и крепили, и свое благоговейное обожание к царице они разнесли во все концы ее царства. В свои частые посещения императрица так близко к ним стояла, что знала всех по именам, замечала особенности каждой, давала им ласково-шутливые названия и довела свое благорасположение до того, что вела переписку с некоторыми из них. К сожалению, из этой корреспонден-

¹ «Русский Архив», 1870, № 1.

ции сохранилось для потомства лишь четыре письма к девочке-сиротке Левшиной¹⁰. Надо удивляться, когда находила гениальная императрица, занятая государственными делами, время отвечать на детскую болтовню. Именно жадой детской привязанности можно объяснить задушевные ответы Екатерины, характеризующие взаимные отношения главы государства и создаваемых ею новых людей...

Первое письмо Екатерины помечено 1770-м годом. Левшиной было тогда двенадцать лет.

«Черномазая Левушка. Получив ваше милое письмо, мне захотелось сесть в коляску и ехать прямо в монастырь, чтобы вас увидеть; но не прогневайтесь, меня удержал сильный холод. Я ревнуюсь немногим меньше, чем вы, поэтому нахожу вас очень любезною; но воздух ваших больших коридоров слишком свеж для меня в этом месяце. Как только сильные морозы пройдут, я приеду как-нибудь на все послеобеденное время присутствовать при разных ваших занятиях, если мои, ибо и у меня они есть, мне это позволят. Мой поклон всему обществу, поцелуйте, пожалуйста, от меня старейших моих знакомых — серых сестер; скажите им, что мне приятно видеть их всякого рода успехи, это доставляет мне истинное удовольствие; я им это докажу, когда приеду как-нибудь вечером, чтобы вволю поиграть с обществом. Мой поклон г-же Делафон, которой вы стольким обязаны и которую вы так нежно любите.

Екатерина».

Царственной корреспондентке нравилась детская болтовня. Посылая одно из писем Левшиной (1772) на прочтение Панину, она просит его передать великому князю «для любопытства письмо резвая Левшины», прибавляя при этом: «я чаю, что на четырнадцатом году не можно более опыта дать живого, веселого и приятного сложения». В переписке с Вольтером Екатерина с чувством справедливой гордости отзывается о своем питомнике. «Мне не раз хотелось, — пишет она в марте 1772 года, — послать вам несколько полученных мною записок, которые наверно сочинены не учителями, ибо в них очень много детского; но уже и теперь в каждой строке видны, рядом с невинностью, приятность и веселость их ума». И всегда в письмах своих к философу она возвращается к похвалам смолянок, которые превзошли ее ожидания; находит, что успехи их удивительны; что все замечают, как они становятся «столь же любезными, сколь и обогащенными знаниями полезными для общества, вместе с тем обладают безукоризненно нравственностью, однако же без мелочной строгости монахинь». Любя детей, государыня старается доставлять им удовольствия и развлечения, соединяя приятное с полезным. По духу того време-

¹ Дочь майора, осиротевшая на четвертом году, была отдана в Смольный в 1764 году, шести лет. Письма Екатерины на французском языке и в переводе много теряют в их тонком, добродушном юморе и милой ласковости тона.

ни упражнения в театральных представлениях считались хорошими воспитательными средствами «для развития добрых нравов и хороших манер». Так было в Европе, откуда Екатерина заимствовала свои просветительные приемы. Успехами воспитанниц своих на этом поприще она делится с Вольтером, говоря ему, что играют они лучше заправских актеров, но в то же время горюет, что нет хороших пьес, и, боясь «дурными и пошлыми пьесами испортить вкус», просит Вольтера помочь ей в этом деле. Вольтер обещает выслать ей трагедии и комедии лучших авторов, велит их сброшюровать вперемежку с белыми страницами, на которых сам сделает изменения, «нужные для сохранения добродетели ваших прелестных девиц». В ожидании этой присылки смолянки играли отечественные произведения Сумарокова и других. Очевидно, Вольтер прислал обещанное, так как во втором письме к Левшиной и другим воспитанницам Екатерина вспоминает об игре каждой из них в пьесах Вольтера и Брюэ.

Начало письма очень характерно.

«Скажите, Левушка, могу ли я отвечать каждой из вас отдельно на вашу болтовню? Вы говорите все, что вам придет в голову; вы поздравляете меня с моим праздником; вы меня журите за то, что я не поехала на дачу; вы приглашаете меня смотреть на грязь вашего скверного сада и еще столько всякой галиматши, что понадобилась бы целая десть бумаги, чтобы ответить вам подробно; поэтому я отказываюсь. Но продолжайте, сударыня: ваше перо, ваш язык и ваше сердце превосходны, и в самом деле я вас очень люблю».

Письмо (довольно длинное) написано, очевидно, для всех вместе. Екатерина говорит в шутовском тоне об игре каждой, а девицу Алымову называет «Алымушкой». Здесь же мы встречаем фамилию известной впоследствии Нелидовой. Должно быть, Левшина что-нибудь о ней писала, так как Екатерина говорит:

«Появление на горизонте девицы Нелидовой феномен, который я приеду наблюдать вблизи; в момент, когда этого всего менее будут ожидать и это может случиться скоро, скоро. В ожидании этого целую разом всех затейниц шума и благодарю их за оказываемую мне приязнь. Мой поклон г-же Делафон. 1770 г.

Екатерина».

Феномены ее росли, развивались и продолжали радовать их высокую покровительницу. За три года до выпуска, когда девушки эти достигли пятнадцатилетнего возраста, Екатерина захотела побаловать их совершенно новым для них развлечением и, думается, не без тайного желания в то же время показать их столичному обществу. Была устроена для смолянок прогулка в Летний сад, и 20-го мая 1773 года от Смольного, по Неве к пристани Зимнего дворца поплыла целая флотилия разукрашенных шлюпок, в которых разместились пятьдесят веселых молодых девушек в сопро-

вождении начальницы, Бецкого и нескольких надзирательниц. Весть о предстоящем зрелище облетела весь город, и на берег Невы собралась такая масса народа, что пришлось остановить движение экипажей по набережной и по Миллионной. Причалив, смолянки прошли в Эрмитаж, где осматривали картинные галереи, и затем вошли в Летний сад. Здесь в скрытой куртине были поставлены музыканты, и музыка грянула, лишь только появились девушки. (Этот сюрприз приготовил граф Орлов.) Они шли парами, в стройном порядке, все одинаково одетые, и без всякой робости смотрели на громадную толпу, окружавшую их со всех сторон. Многие из публики вступали с ними в разговоры, и смолянки отвечали без стеснения, но и без ужимок, вполне вежливо и весело, что очень всем нравилось. Зрелище полсотни благовоспитанных девушек было до того ново и необычайно, что обратилось в событие и породило целую литературу в стихах и в прозе. Если Екатерина имела в виду блеснуть результатами девятилетнего воспитания смолянок, то цель ее, несомненно, была достигнута, ибо эффект получился полный и она показала себя прекрасным психологом: когда-то бы еще поняли и оценили пользу просвещения в провинциях, из которых упорствовали посылать детей в Смольный; теперь же молва о нем разнесется и блеск и шум вокруг дела расшевелит неподвижное общество. Взгляды ее скоро оправдались: с этой поры просьбы о приеме детей в институт стали так многочисленны, что пришлось отказать многим за неимением вакансий. И Екатерина была довольна.

В третьем, очень длинном письме к Левшиной она весело шутит на тему о произведенном смолянками впечатлении, вдохновившем поэтов и писателей. Четвертое и последнее письмо к Левшиной написано за год до выпуска ее.

«Я думаю, сударыня, — пишет Екатерина, — что мне следует вывести два заключения из вашего письма: первое — что вы печальны, когда меня не видите, и наоборот — веселы, когда меня видите. Итак, погода показывает теперь к дождю, к печали: вас огорчает путешествие в Москву, я уже в последний раз заметила следы этого. Я исчезла, чтобы не оправдать злую поговорку, что как только одна женщина заплачет, так сейчас и другие за нею... Посмотрите, как свет несправедлив и как легко обращаются с нашей чувствительностью. Но, сударыня, не плачьте о том, что не увидите меня целый год, ибо, когда я вернусь, и когда наступит срок, я вас увезу в один прекрасный день, и вы наглядитесь на меня вдоволь, и вы будете трещать, как придворная сорока. Передайте мой поклон г-же Делафон; желаю, чтобы ее здоровье поправилось как можно скорей. Кланяюсь всему обществу телом и духом.

Екатерина. 1775 г.»

По возвращении из Москвы первый выход императрицы был в Смольный, где она знала, какая непритворная любовь ее встретит. Там ждали нетерпеливо этого счастливого дня и, чтобы порадо-

вать ее, приготовили спектакль. После представления, видя удовольствие, доставленное им высокой гостью, смольнянки не могли сдержать порывов любви и радости, их охвативших, и бросились к ней с такой горячностью, что (по словам присутствовавшего тут Державина) «чувства их к ней, яко к матери, превозмогли почтение к своей государыне».

Императрица любила, чтобы Смольный посещали разные лица. Великий князь бывал там нередко, а первая его супруга Наталия Алексеевна ездила туда не менее трех раз в неделю. Екатерина привозила туда Дидро и шведского короля Густава; было много и других иностранцев, знакомившихся с этим диковинным, даже для европейцев, учебным заведением.

30-го апреля 1776 года был первый выпуск пятидесяти одной смольнянки. Они держали экзамены перед советом воспитательного общества не только по всем предметам, положенным в уставе, но еще по геометрии и мифологии, не входившим в программу. Повидимому, все знания оказались у воспитанниц, ибо совет нашел, что «множественное число достойно награждения», но ввиду недостаточного числа наград он присудил «как с общим согласием иные же и посредством жребия»¹. Достойными наград оказались: шифров и больших золотых медалей девицы Алымова, Молчанова, Рубановская, Левшина, Борщева, Еропкина, фон Вельстейн и Нелидова. Они же удостоились назначения их фрейлинами к государыне. Следующие четыре получили тоже золотые медали; двенадцать — медали серебряные; двенадцать — похвалу и только пятнадцать не получили ничего. Кроме того, из процентов с капитала в сто тысяч, подаренного императрицею на вечные времена Смольному для выдачи пособий отличнейшим и беднейшим, шесть тысяч были распределены между ними. Выходившие из училища мещанские девицы были награждены подарками и деньгами.

На торжество выпуска были приглашены родственники девиц и гости. Публики набралось столько, что многим не нашлось места в большом зале. Но для воспитанниц торжество было отравлено отсутствием государыни. Огорчение было тем большее, что задержал государыню траур по недавно скончавшейся великой княгине Наталии Алексеевне, которую смольнянки очень любили.

В следующие семь лет жизнь в Смольном оставалась без больших перемен. Сама Екатерина ездила туда часто, но, по-видимому, в составе новых воспитанниц у нее уже не было прежних любимиц, хотя заботы обо всех были прежние и при выпусках государыня щедро раздавала денежные пособия как в обществе, так и в мещанском училище и оставляла при Смольном многих не имевших родных, а также устраивала их судьбу. За два выпуска пять воспитанниц были определены к ее двору фрейлинами.

Влияние Бецкого на дела общества стало ослабевать с 1782 года. Он старился, а Екатерина, замечая некоторые упущения в

¹ Лихачева. «Материалы для истории женского образования в России».

делах заведения, перестала уже доверять Бецкому и, назначив Т.С. Завадовского членом совета, передавала через него свои распоряжения. В том же году она учредила «комиссию для заведения в России народных училищ» и уже в марте 1783 года поручила этой комиссии, во главе которой поставила Завадовского, рассмотреть устав воспитательного общества и сообразно с потребностями изменить его программу. Комиссия нашла упущения в ходе научного дела: воспитанницы плохо владели русским языком и имели мало знаний и по другим предметам, так как обучавшие их всем наукам иностранки в большинстве были сами недостаточно образованны. Сообразно с этими замечаниями было постановлено: заменить иностранок русскими учителями и все науки преподавать по-русски. При двух младших возрастах держать учительниц, основательно знающих русский язык, обязать разговаривать на нем с детьми, постоянно поправляя их ошибки. Как только дети научатся читать, давать им для чтения «хорошие, образующие ум и сердце книги». Новых учителей было назначено четырнадцать; из них один немец и один француз. Число учительниц убавилось, и они уже науки не преподавали, а должны были учить рукоделиям, а также читать вместе с воспитанницами книги, но не иначе, как по выбору учителей. Программа классного обучения была расширена, и точно определены часы ежедневных занятий. «Для учителей был составлен и метод преподавания: он должен был быть наглядным, иметь характер беседы учителя с воспитанницами, развивать их память, внимание, рассудок и даже волю»¹.

Суббота во всех классах, исключая старшего, назначалась для повторения пройденного в продолжение недели. Это повторение должно было производиться по способу, для нас совершенно незнакомому. Преподаватели являлись в класс все вместе и испытывали учениц, предлагая вопросы по очереди. Так, например, священник предлагал вопрос о сотворении мира; за ним выступал учитель географии и спрашивал об изображении мира на глобусе; учителя географии сменял учитель истории, предлагавший вопрос о том, кто описал мир, когда жил историк и проч. Одним словом, каждый преподаватель должен был вовремя найти случай предложить вопрос по своему предмету. Было несколько и других указаний преподавания, теперь устаревших, но тогда новых и необходимых. Один из членов комиссии назначался наблюдателем за ходом классных занятий и за учителями.

Государыня была недовольна выводами комиссии и, приписывая упадок дела нерадению Бецкого, окончательно к нему охладела. Весь план комиссии она одобрила и передала его для руководства совету воспитательного общества, составителей же работы широко наградила. Этим она показала, что хотя и не любила «умничающих женщин», но не хотела видеть и благовоспитанных неучей, а желала, чтобы образование шло прогрессируя и не оста-

¹ Лихачева. «Материалы для истории женского образования в России».

навливалась перед применением всех мер для улучшения просветительного дела, ею начатого.

Совет, получив новую программу, определил: «все присланные высочайшие повеления, яко превосходный и непрременный закон премудрой законодательницы, хранить в архиве совета, поступая по оному с надлежащей точностью, и для исполнения объявить всем, кому ведать должно».

Закон действительно сохранился, но именно только в архиве. В делах следующих годов о новой программе даже не упоминается. О нем забыли по необходимости: чтобы осуществить новую программу, надо было назначать преподавателями людей с большим знанием дела, а таковых было трудно найти в то время.

Выпуском девиц в 1785 году, на котором присутствовала государыня, закончился блестящий период общества. После него Екатерина редко ездила в Смольный и как будто охладела к нему. Но вернее, что государственные дела последних лет ее царствования поглощали все ее время, да сказывалась и надвигавшаяся старость...

III

Чтобы оценить содеянное великою императрицею для культуры русской женщины, необходимо вспомнить общественные условия и нравы того времени и те препятствия, которые ей приходилось преодолевать на пути к намеченной ею цели.

Когда в 1744 году Екатерина приехала в Россию, общество русское, за самыми редкими исключениями, было не только равнодушно к вопросам просвещения, занимавшим образованных людей на Западе, но в большинстве своем относилось даже отрицательно к науке. Этому способствовало особенно то, что молодые люди, посланные Петром I для обучения за границу, хотя и возвращались оттуда с некоторым запасом знаний и с внешним европейским обликом, но вносили в то же время в русскую жизнь светскую пустоту, религиозные сомнения и презрение ко всему родному, чем и заражали окружающую их среду. Сумароков высмеивал эти типы в своих комедиях, а люди старого уклада смотрели на них прямо враждебно и утверждались в понятии, что образование способно лишь развращать нравы. Духовенство в особенности восставало против новшеств; боязнь европейского просвещения и недоверие к науке доходили до того, что «Ломоносов счел нужным включить в привилегии проектировавшегося им в 1760 году петербургского университета и ту, чтобы обязать духовенство не ругать науку в проповедях»¹. При таком настроении влиятельного тогда сословия устройство светских школ, даже самых элементарных, считалось чуть ли не грехом. Учиться русским детям можно было только в монастырских школах, где довольствовались изучением церковнославянского часослова и псалтыря. Правда, иностранцы,

¹ Лихачева. «Материалы для истории женского образования в России».

жившие в России, заводили частные пансионы для своих детей, куда посылали детей и некоторые русские; но там все ограничивалось преподаванием иностранных языков. Большинство пансионов были в столицах. Каковы были иногда эти школы, можно судить по следующему: «Державин в 50-х годах XVIII века учился в пансионе, который содержал в Оренбурге немец Розе, сосланный туда на каторжную работу. В этом пансионе учились дети обоюго пола, притом, по словам Державина, “лучших благородных людей”; учителя же Державин так характеризует: “Сей наставник, кроме того, что нравов был развращенных, был и жесток; он наказывал своих учеников не только самыми мучительными, но и неблагоприятными штрафами, о которых рассказывать было бы отвратительно. Ко всему этому Розе был и невежда”»¹.

Если так шло мужское образование, то о женском не было и помину, как о вопросе совершенно праздном. Редкие родители учили девочек грамоте, и если учили — то только чтению, но отнюдь не письму, из боязни, что девицы заведут любовные переписки. Даже в средне-дворянском кругу грамотные девушки были исключением. Дикость понятий была такова, что Болотов в своих записках* (1760) рассказывает, «как свадьба его чуть не разошлась из-за того, что его представили невесте и матери ее колдуном и чернокнижником потому, что он любил читать книги, и невеста, поверив этому, принялась плакать». Эту пугливую девицу, ставшую женой, так рисует Болотов: «она оказалась несмела, проявила себя девушкой, не имеющей ни малейшей склонности к чтению, характера самого хладнокровного и нелюбопытного».

В сатирическом журнале «Живописец» словами одной богатой помещицы так характеризуются понятия данной эпохи: «В нашем отечестве исстари положено для дворян — шпага, для стряпчего — перо, а грамота — для попов». В том же «Живописце» изображен другой деревенский тип, в лице уездного дворянина, который пишет своему сыну Фалалею, что его сестра Варя «посажена за грамоту. Батька Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет; пора, друг мой, об этом подумать, ведь скоро женихи станут свататься, а без грамоты выдавать замуж ее не годится — и указа самой прочесть нельзя».

Грубость нравов обуславливалась крепостническим строем жизни, развивавшим лень и суеверие. В очень богатых домах венцом образования считались болтовня на иностранных языках и

¹ Лихачева. Материалы для истории женского образования в России.

* Болотов Андрей Тимофеевич [07(18).10.1738—04(16).10.1833] — историк, экономист, философ, первый русский ученый-агроном. Принимал участие в издательской деятельности Н.И. Новикова, издавал один из самых популярных российских журналов XVIII в. «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов». В нем опубликовал свыше 400 статей, заметок, переводов. Кроме того, Болотов более 40 лет был постоянным автором «Трудов Вольного экономического общества». В историю русской литературы Болотов вошел как автор записок «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (в 4-х т., 1870—1873). Эти записки, законченные в 1816 г., охватывают период с 1738 по 1793 г. и содержат ценнейший материал для характеристики русского быта и русской общественной жизни. (Прим. наше. — Е.П.).

танцы, для чего в качестве гувернанток держались мамзели и мадамы из иностранок. При дворе императрицы Елизаветы, куда приехала Екатерина, образованность и культура были в той же стадии... Здесь в течение восемнадцати лет цесаревна насчитывала едва десяток людей, близких к ней по развитию, разделявших ее взгляды. Из женщин, кроме Дашковой, она ни с одной не выносила беседы более получаса.

Эту-то кору темного невежества, упорного сопротивления просвещению Екатерина, едва вступив на престол, решила пробить разом, произвести настоящий *coup d'Etat*, но без насилия. На медленное, систематическое проведение культурных начал потребовались бы десятки лет, и ее собственной жизни не хватило бы на такую работу.

IV

К сожалению, до нас дошло мало сведений для ознакомления с тем, как проявляли себя в жизни носительницы идей Екатерины. Немногие тогда писали, да и большинству пионеров приходилось жить в глухой провинции, где в скромной доле работа их шла незаметно.

Возвращаемся к запискам Ржевской. Она поддерживала отношения со многими из своих подруг и следила за их жизнью. Глубоко веря, что «развитой ум и твердо вкоренившиеся в сердце нравственные начала охраняли смолянок от дурных примеров», Ржевская так говорит об одной, с которой дружила всю жизнь: «Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастьях и твердости духа, которая служила бы для назидания многих». Жаль, что не надеясь, очевидно, на свое перо, Ржевская не дает подробностей и не называет даже фамилии этой твердой женщины, охраненной от житейских пороков и невзгод вкоренившимися в сердце ее нравственными принципами. По свидетельству той же Ржевской, смолянки ее выпуска резко выделялись от светских сверстниц не их воспитания. «Каждая из них, — говорит она, — имеет свой личный характер. Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. Им приходилось бороться против существовавших предубеждений насчет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила. Из них вышли прекрасные супруги»¹. Как и надо было ожидать, волна царившего невежества накатывалась особенно шумно на смолянок именно первого выпуска, и им надо было, конечно, много силы воли, чтобы идти против течения нравов «жестоких» и людей «неистовых».

Но, может быть, суждения Ржевской пристрастны; восхваляя смолянок, она говорит о себе. Обращаясь, однако, к другому, не-

¹ Записки Ржевской, «Русский архив», 1870, № 1.

заинтересованному источнику, мы слышим те же отзывы. Поэт и автор многих сочинений князь Ив. Мих. Долгорукий был два раза женат на смолянках; обе они были выпущены в 1785 году, через девять лет после Ржевской. Первая жена князя умерла еще нестарой; он же уже в зрелых годах писал свой словарь, или, как он его назвал, «Капище моего сердца». Он так рисует в нем свою первую жену: «Она занимала мой разум, украшала мое воображение, просвещала мое понятие и останавливала нередко на скользком пути заблуждений, предупреждала пагубные его последствия; разделяя с терпеливостью стоической иго моей бедности, она без ропота сносила мои недостатки, плакала со мною о тех бедствиях, кои навлекал я на себя собственной моей неосторожностью. Любовь моя к ней навсегда и везде в одинаковой мере сохранится. В этом ручаются мои годы и внутренние достоинства ее, столь близкие к понятию, которые я имел об изящном чувстве любви, в превосходном нравственном смысле».

И.А. Дмитриев¹, знавший княгиню, отзываясь о ней как о женщине, «обладавшей духовной красотой, добродетельной, умерявшей душу своего мужа и в то же время чуткой и энергичной». Из многих фактов ее жизни, показывающих благородство ее души, приведем один, свидетельствующий, что «устройство сердца» не отсутствовало при воспитании в Смольном. Бедная, незнатная девушка по фамилии Смирная, была взята четырех лет от роду у матери, владелицы семнадцати душ, великою княгиней Натальею Алексеевною и после ее смерти помещена в Смольный. После выпуска была определена ко двору великой княгини Марии Феодоровны. По воспитанию вполне светскому, какое она получила в Смольном и при дворе, между ею и матерью, которой она совсем не знала и которая была женщина простая, неграмотная и без всякого воспитания, ничего, казалось, не было общего. Но, очень скоро по выходе из Смольного сделавшись княгиней, она тотчас же после свадьбы поехала с мужем к матери в ее деревушку, и между ними установились самые теплые отношения, сохранившиеся до конца жизни. Память своей жены князь Долгоруков увековечил тем, что, будучи после ее смерти губернатором во Владимире, отдал свой дом под гимназию, которой пожертвовал свои сочинения, бывшие и будущие, — поставив условием, чтобы доход с них был обращен на составление гимназической библиотеки, которая должна быть помещена в комнате, где умерла княгиня. Все и было так исполнено.

Пример жены князя Долгорукова не единственный в его «Капище». Князь лично знал много смолянок разных выпусков не только в Петербурге и при дворе, но и в разных провинциях, где он жила. Он наблюдал их в различной обстановке и в различных положениях и отзывался о них как о любезных, добронравных, милых, веселых, хороших девушках. О некоторых из них князь говорил даже с бла-

¹ Князь Ив. Мих. Долгорукий и его сочинения. И.А. Дмитриев. Москва, 1863 г.

гоговением, и то, что он рассказывает, свидетельствует о том, что это были действительно женщины, выделявшиеся по своим нравственным качествам из общего уровня современного им общества. А так как он писал свои заметки без всякой предвзятой мысли и цели, то его отзывы о смолянках чрезвычайно для нас ценны.

Еще более ценны, как безусловно беспристрастные, отзывы иностранцев: в конце восьмидесятых годов XVIII века французский посол граф Сегюр¹ говорит, что женщины в России опередили даже мужчин в образовании. «В обществе, — пишет он, — можно встретить много нарядных дам и девиц, говорящих на 4—5 языках, умеющих играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших писателей Франции, Италии, Англии...» Посол встречал их, очевидно, главным образом при дворах. Если мы вспомним, что Екатерина особенно энергично настаивала на чтении смолянками лучших иностранных книг, то нет сомнения, что эти «более мужчин образованные женщины» были именно те фрейлины, которых Екатерина назначала после каждого выпуска. Десятью годами позже, уже после смерти государыни, английский путешественник Кларк², вынося такое же впечатление о русских женщинах, говорит уже прямо о воспитанных Екатериною, т.е. о смолянках. «Dans la classe des nobles, les femmes paraissent de beaucoup supérieures aux homes; elles sont douces, souvent fort instruites, belles, accomplies»*.

Невозможно обойти молчанием одну смолянку первого выпуска, игравшую видную роль в исключительной обстановке ее жизни. Это тот «феномен», приехать посмотреть на который Екатерина обещала своей «черномазой Левушке». Мы говорим о Нелидовой, чье могущественное влияние на Павла служило долгие годы предметом злостных о ней суждений. Теперь талантливым историографом³ роль ее документально выяснена и может подтвердить правильность воспитательного дела императрицы Екатерины.

Дочь простого армейского офицера, Ек. Ив. Нелидова, помещенная в Смольный ребенком шести лет, в течение своего двенадцатилетнего в нем пребывания воспользовалась в полной мере всем, что дал он хорошего и прочного в умственном и нравственном смысле, и служит ярким образцом того типа, создать который стремилась государыня.

Светскими талантами, отличавшими Нелидову, далеко не исчерпываются ее достоинства. Ее острый, широко образованный ум, живость и благородство характера, искренность и смелость суждений, соединенные с изящной благовоспитанностью, чрезвычайная любезность и всегда на добро направленные чувства — делали ее настолько обаятельной, что заставляли совершенно за-

¹ Ségur. Mémoires en souvenirs et anecdotes. 1827.

² Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie par Edouard Clarke. 1813.

* «Женщины-дворянки были гораздо более образованны, утонченны, изысканны, чем лица противоположного пола.» (Пер. Е.Н. Пенской).

³ Е.С. Шумигорский. Ек. Ив. Нелидова.

бывать исключительную некрасивость ее лица. Вооруженная этими качествами, Нелидова прямо со школьной скамьи попала в водоворот придворной жизни, назначенная фрейлиной к великой княгине Марии Феодоровне, только что вышедшей замуж за цесаревича Павла Петровича. В этом новом для Нелидовой мире у нее не было ни родственников, ни друзей. Великая княгиня относилась к окружающим ее сдержанно и свысока. Молодой, неопытной девушке пришлось искать опоры в самой себе, создавать самостоятельность, охраняя себя от интриг и щекотливых положений, неизбежных в придворной сфере. И она быстро сумела себя поставить, благодаря глубокому сознанию своих обязанностей перед Богом и людьми, высоко развитому чувству собственного достоинства и потребности жить самой в себе. Несомненно, однако, что наука жизни не давалась ей без огорчений и разочарований. Последнее коснулось лица ей очень дорогого. Несмотря на всю свою благодарность и любовь к государыне, ее воспитавшей, Нелидова, с годами, уже критически относилась к увлечениям великой женщины и с печалью отмечала недостаток в ней материнского чувства и несправедливое ее отношение к сыну. Правдивое сердце Нелидовой невольно тянулось к великокняжеской чете, жившей в скромной домашней обстановке и даже некоторой забитости, в контраст с блеском большого двора. При ежедневном общении в тесном семейном кругу все трое свободно сходились, изучая друг друга. Рыцарский характер Павла, его религиозность, стремление к добру, правде, народному благу вполне отвечали идеалам смолянки-энтузиастки. Но нравственный мир великого князя — благородный и возвышенный — был, однако, часто в полном противоречии с порывами необузданного гнева, сдержать который не могла вся кротость его супруги, искавшей в таких случаях помощи своей фрейлины. Умной, живой Нелидовой удавалось разговорить гневного человека, невольно поддававшегося очарованию некрасивой, но просвещенной, оригинальной девушки. Из этих сложных причин возникла обоюдная симпатия. Но по мере того как под влиянием тяжелых условий жизни затмевался рассудок Павла и дикость его порывов пугала его супругу, пылкая Нелидова смело выступала на защиту лиц, на которых падал его несправедливый гнев. На первых порах бесстрашный отпор молодой девушки вызывал и против нее раздражение Павла. Но и она не уступала, и при каждой вспышке, а они были часты, рискуя неудовольствием и даже разрывом, она продолжала укрощать его бешенство, имея в виду лишь его благо. В этой борьбе, меряясь силами, противники — сохраняя взаимное уважение — становились друзьями: рыцарь Павел понял и почувствовал, что некрасивая фрейлина стоит около него ангелом-хранителем, и покорился ей. Влияние Нелидовой на ум и темперамент Павла стало безграничным, и каждый невинно угнетенный им знал, у кого искать защиты и спасения. Вскоре это стало всем известно. В чистоту отношений не верил, конечно, фривольный век фаворитизма, и Нелидову окрестили названием любовницы. Можно себе

представить, что выносила идеалистка-смолянка, какой она оставалась... Но в гордом сознании своей чистоты она оставалась непоколебимой: человеческая злоба не могла убить ее мистической веры в то, что самим Богом она поставлена охранять будущего царя от его пагубных слабостей и руководить им для общего блага.

Однако пришло время тяжелого испытания. Интриги вокруг Павла направились на нее со всех сторон. Больше всего ее затронуло несправедливое к ней отношение великой княгини, ревность которой разжигали враги Нелидовой... В то же время недостойные люди, вроде лакея Кутайсова, вели свою линию и, играя на слабых струнах характера цесаревича, часто парализовали благородное влияние Нелидовой. Тогда она решила удалиться и просила государыню избавить ее от фрейлинства и дать ей приют в Смольном. Государыня исполнила ее просьбу, и в 1793 году, несмотря на протест Павла, Нелидова поселилась в любимом ею Смольном, где и прожила до своей смерти.

Когда скончался Павел Петрович, Мария Феодоровна, оплакав вместе с Нелидовой смерть своего супруга, всем сердцем привязалась к бывшей своей фрейлине, и не проходило дня, чтобы она не посещала ее в Смольном, приютившем его достойную воспитанницу.

Итак, миссия, возложенная Екатериной на смолянок — смягчать грубые нравы, — применена была Нелидовой к собственному сыну императрицы...